

Лирникъ Родіонъ

Вариантъ

Сказывалъ и пѣлъ этотъ стихъ о сиротѣ лирникѣ Родіонѣ, молодой нищій, рыбой слѣпелъ, безъ поводыря странствовавшій куда Богъ на душу положитъ: отъ Гадяча на Сулу, отъ Лубенъ на Умань, отъ Хортицы къ гирламъ, къ лиманамъ. Сказывалъ и пѣлъ въ Херсонскихъ плавняхъ, въ низовьяхъ Днѣпра, въ теплый и темный весенній вечеръ.

Изъ конца въ конецъ Днѣпровья странствовалъ и я въ ту весну. Въ Полтавщинѣ она была прохладная, съ звонкими вѣтрами «суховіями», съ изумрудомъ озимей, съ голыми металлами хуторскихъ толопей, далеко видныхъ среди равнинъ, гдѣ, какъ въ морѣ, были малы и терлились люди, пахавшіе на волкахъ подъ яровое. А на югѣ тополя уже оцѣлели, зеленѣли и церковно-благотухали. Розовымъ цвѣтомъ цвѣли сады, празднично бѣлѣли хаты и еще празднично, наряжались молодыя казачки: еще недавно смолкъ пасхальный звонъ, подъ вѣтрами и плетнями еще валялась скорлупа крашеныхъ яицъ. Въ гирлахъ-же было совсѣмъ лѣто, много стрекозъ вилось надъ очеретомъ, много скггилло рыбало, отражавшихся въ серебристыхъ разливахъ рѣки.

На югѣ, въ Никополь и дальше я плылъ на пароходѣ «Олеги», очень грязномъ и ветхомъ; весь дрожа, все время дыма и постышно шумя колесами, медленно тянулся онъ среди необозримыхъ камышевыхъ зарослей. На нижней его палубѣ набилось душъ полтора хохлушекъ, фавшихъ на весенне зароботки. Днѣпръ у нихъ было шумно, тѣсно, жарко; днемъ онѣ ѣли, пили, сорились, спали. Вечерами долго сумерничали, но любуясь закатными облаками, разговоры вели мирно, валучивые, много пѣли.

Этотъ вечеръ былъ особенно прекрасенъ, особенно располагалъ къ тому. Съ мягкой чернотой правобережья, его вѣтряковъ и косогоровъ, слышшихся съ чернотой густыхъ прибрежныхъ камышей, долго, долго блекли въ чистоту сумрачно-аломъ слабая очертанія мутно-синихъ облаковъ. Въ вышинѣ, сквозь темный флеръ дыма изъ трубы, проступали мелкія блѣдныя вѣдвѣи. «Олеги», дымя, дрожалъ и однообразно шумѣлъ колесами. И вотъ, воплослуха, стройнымъ хоромъ, заплли хохлушки, выпавшія за день.

Я въ тѣ горы былъ влюбленъ въ Малоросію, въ ея села и степи, жадно искалъ обниженія съ ея народомъ, жадно слушалъ пѣсни, душу его. Пѣлъ онъ чаще всего меланхолически, какъ и подобающе смену степей; пѣлъ на церковный ладъ, какъ и долженъ пѣть тотъ, кто помнитъ не дни и не годы, а цѣлые вѣка и чье рожденіе, трудъ, любовь, семья, старость и смерть какъ бы служенье; пѣлъ то гордо и строго, то съ глубокой и спержанной нѣжностью сильно, мужественнаго сердца. Съ ярмарку на ярмарку, въ передвиженіяхъ гуртами на работы часто сопровождали его бандуристы и лиричники, наводившіе мужичинъ на воспоминанія о былой волности, о казачьихъ походахъ, а женщинъ на лѣтвучія думы о разлукахъ съ сыновьями, съ мужьями, съ любимыми. Богъ благословилъ меня счастьемъ видѣть и слышать многихъ изъ этихъ странниковъ, вся жизнь которыхъ была мечтой и пѣсней, душъ которыхъ были еще близки и дни Богдана и дни Сѣчи и даже тѣ дни, за которыми уже проступаетъ сказочная, древне-славянская синь Дунайскихъ далей, Карпатскихъ высотъ. Родіонъ, случайно приставшій къ женщинамъ и дѣвкамъ вмѣстѣ съ ними, былъ молодъ и безвѣстенъ. Онъ говорилъ, что даже не считаетъ себя пѣвцомъ, лирикомъ. Но пѣвцемъ онъ былъ поистинѣ удивительный. Если онъ еще живъ, Богъ, вѣрно, далъ ему старость, счастливую и отрадную за ту радость, что давалъ онъ людямъ.

Слѣпые народъ сложный, тяжелый. Родіонъ не похожъ былъ на слѣпца. Простой, открытый, легкій, онъ совмѣщалъ въ себѣ все: строгость и нѣжность, горячую вѣру и отсутствие покаянной набожности, большую серьезность и беззаботность. Онъ пѣлъ и «псалмы» и «думы», и любовное и прибутки, и «про Хому» и про Почаевскую Божию Матерь — и легкость, съ которой онъ мѣнялся, которая въ другомъ была бы неприятна, въ немъ была очаровательна: онъ принадлежалъ къ тѣмъ рѣдкимъ людямъ, все существо коихъ — вкусъ, чуткость, мѣра. Если бы онъ снялъ съ плеча свою хохлеву суму, никто и не подумалъ бы, что онъ нищій: такъ чисто и опрятенъ былъ онъ. Голова у него была небольшая, темные волосы, ровно подрубленные въ кружокъ, закрывали челку лобъ. Сухое рыбое лицо съ закрытыми и глубоко западавшими маленькими вѣками безъ рѣсницъ, обычно ничего не выражало. Но лишь только онъ открывалъ ротъ, что бы говорить, пѣть или играть, оно мгновенно преобразилось: одними движениями бровей и улыбками, озарявшими его лицо на сотни ладовъ, онъ выражалъ тончайшія и разнообразнѣйшія чувства и мысли.

Прибавлю еще, что ростомъ онъ былъ невеликъ, плечи имѣлъ узкія, покатыя и худощавыя, пальцы тонкіе и цѣпкіе. Носилъ короткую сермяжную свитку, огромные сапоги. И чудесно, по славянскую краснѣла ленточка, которой завязывалъ онъ воротъ своей сорочки изъ сурового холста.

Въ этотъ сумеречный и теплый вечеръ женщины начали со старинной казачьей пѣсни о сынѣ и матери, ласково и беззаботно уговаривавшей его не губить своей молодости ради одной пьяной удали. Кончивъ ея протяжные, спокойные и грустные укоры, — «ой ты, сыну, мій сыну, ты дитына моя!» — долго не запылаи другой; заплли было въ три голоса какую-то вышнюю, мѣшанскую — и тотчасъ бросили. Родіонъ вполголоса занялъ первую строку пѣсни еще болѣе старой, чѣмъ о матери и сынѣ, — «край Дунаю трава шумитъ» — и вдругъ окликнулъ кого-то какой-то прибауткой, и вокругъ него радостно прыснули, покотились со смѣху.

И долго только шумки, тихій говоръ слышались въ дремотѣ теплой вечерней тьмы, среди ровнаго, уже какъ бы ночнаго шума колесъ. Кое-гдѣ по смутно чернѣющимъ берегамъ шли поздніе огоньки. Впереди, на чуть видномъ затопѣ, между двухъ черныхъ стѣнь камыша, ночной рыбакъ лучилъ яркой спокойное отраженіе его огня въ волѣ было похоже на зажегнутую длинную восковую свѣчу. Кто-то заговорилъ о Киевѣ. Можетъ быть, глядя именно на это отраженіе, заговорили о Софійскомъ соборѣ, о Михайловскомъ, — народъ былъ все степной, многія впервые побывали на этомъ пути въ Киевѣ, — и стали съ умиленіемъ дивиться ихъ красотѣ и ужасаться картинамъ Страшнаго Суда, которыми славятся многія киевскія церкви. Тогда, какъ бы продолжая ихъ мѣрную рѣчь, медленно и пѣвуче заняла, заскрежетала и зажуужала старая лира Родіона.

Онъ какъ бы тоже перебиралъ въ своей памяти картинны соборовъ, прохоровъ подъ златоверхими колокольнями, темныхъ и тѣсныхъ полуополуденныхъ придѣловъ. И, дойдя до картинъ судныхъ, усилилъ тонъ: лира его зажуужала и заплла смѣлѣе, тверже. Послышались влохи, слабая восклицанія нѣжности и грусти. И онъ еще усилилъ — и сквозъ восточную, степную меланхолию мотива ясно проступило подобіе средневѣковаго органа хорала. Онъ почувствовалъ, понялъ, что именно долженъ спѣть онъ для своихъ слушательницъ, и сталъ имъ, матерямъ и невѣстамъ, сказывать нѣчто очень близкое женскому сердцу. — о

сиротѣ и о мачехѣ, — мѣшая органичны угрозы и назиданія съ пѣней, съ мягкими славянскими укорами.

— Ой, зашумили луги ще й быстрины, — вздохнулъ и строго сказалъ онъ, возвысивъ голосъ и загнувъ лиру.

И пояснилъ, сновая уступая мѣсто ея звенящему жужжанію:

— Померла матинка, остались диты...
Потомъ онъ просто и серьезно сталъ напоминать женскому сердцу, — сердцу и безпощадному и жалостливому, — какова она, эта сиротская доля. Отецъ, сказалъ онъ, тотъ утѣшится:

— Отецъ жону знайде, буде въ пари жыты...

А сиротамъ никто не земѣнитъ родной матери:

— Нешаски сыртки — ти пидуть служыты...

Но не спасетъ ихъ, сказалъ онъ, никакая служба, никакая самая старательная работа:

— Що сирота робитъ — работа ни за що, а люде говолять: сирота ледшо!

Однимъ тономъ словъ и лиры онъ далъ трогательный образъ всѣмъ чужаго, всѣмъ покорнаго ребенка, стриженой, босой, въ грязной сорочкѣ и стареной плахѣ дѣвочки. Она долго опускала заплаканные глазки, долго надѣялась терпѣніемъ и неслышнымъ трудомъ снискать милость мачехи — но напрасно: даже родной отецъ, рабъ этой безжалостной, хозяйственной женщины, избѣгалъ глядѣть на свою сироту, боялся хотя бы словомъ вступить въ за нее. А ужъ если родному отцу въ тягость собственное дитя, то гдѣ же правда, гдѣ справедливость, гдѣ состраданіе? Ихъ надо искать по свѣту, по міру, паче же всего гдѣ-то тамъ, куда скрылась мать, единственной нескучной источникъ нѣжности. — И, опять со влоха возвышая свой грудной голосъ, опять усиливая звенящій тонъ лиры, Родіонъ продолжалъ:

— Ой, пишла сыртка темными лугами, — вымывала сыртка драбными слезами. Не могла сыртка маучи вгонити, — ой, пишла сыртка по свиту блукаты, по свиту блукаты, матынки шукаты...

Сынъ народа, не отдѣляющаго земли отъ неба, онъ просто и кратко рассказалъ о страшной встрѣчѣ грязной и босой дѣвочки, — о встрѣчѣ ея въ темныхъ лугахъ, въ свѣтлѣ пасхальныхъ дней, съ Самимъ воскресшимъ Господомъ:

— Тай зустрівъ й Христе, ставъ й пытати: «Куды йдешъ сыртка?» — «Матери шукаты». — «Ой, не йди, сыртка, бо далеко зайдешъ, вже-жъ своей матынки й по вику не знайдешъ: бо твоя матинка на высокой горѣ, тило спочивае у смутному гроби...»

Съ великой нѣжностью, но все также просто передалъ онъ и жуткое свиданіе, горькую «рзовому» сироты съ матерью, — точнѣе говоря, съ «Ангеломъ» (ангеломъ), отзвѣвающимся изъ голыи за усупую:

— Ой, пишла сыртка на той гроби рыдаты: чи не обизвется зъ гроби ридата мати? Обизвется Янгель якъ ридная маты та й ставъ й стихо, словесно пытати:

— Кто не гиро плаче На моему гроби? — Охъ, це я, матинка: Прийми мене къ собі! — Насыпано земли, Шо вже-жъ я не встану, Сплылись очи, Вже й на свитъ не гляну!

Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

— Охъ, жься тжакко, важко Каминня глотаты: А ще тжакко, важко Тебе къ собі взяти! Нема тутъ сыртка Ни исты, ни лпты, Тилько веливъ Господь

Въ сырій земли гныты! Пишла бь ты, сыртка, Мачуки бь просила: Може бь змылувалася, — Сорочку пошила...

И съ непередаваемой трогательностью отвѣтилъ ребенокъ Ангелу-матери: — Я жь й просила, я жь й голыла. А злая мачуха сорочки не шила!

Какъ всѣ истинные художники, Родіонъ сердцемъ зналъ, когда надо сказать, когда помолчать. Сказавъ послѣднія слова, онъ смолкъ, опустил незрячія очи, наслаждаясь горькими и счастливыми вздохами своихъ слушательницъ. А насладившись, вдругъ грозно и радостно возвысилъ голосъ и развернулъ уже инны картины — картины Христова суда, Его возмездія:

— Посылае Христось-Богъ Янгельно отъ Себе, — сказавъ онъ торжественно, чистымъ и звонкимъ голосомъ: — возьми ту сыртку до яснаго неба! Посидьты сыртку у свитлему раю, у Господа-Бога, у чести и слави!

И со скрежетомъ и звономъ лиры далеко разлилъ свой завывающій отъ радостнаго гнѣва плачь:

Посылае Богъ зъ пекла По злую мачуху, По злую мачуху И по й духу: — Злитаетесь, пекельни, Изъ ливого боку, А тагнитъ мачуху Зализнимъ гакомъ! Пиднимитъ мачуху У гору високу, Закыньте мачуху У пекло глубоко!

Кончивъ, онъ опять помолчалъ и твердо сказалъ обычнымъ голосомъ, безъ лиры:

— Слушайте жь, люде: хто сырты мае, нехай глядае, на путь наставляе.

И сказалъ, уже не нарушивъ молчанія ни единымъ добавленіемъ. Только долго покрывалъ сказанное разнообразнымъ нѣтъмъ, ропотомъ лиры, какъ бы смягчая силу впечатлѣнія, какъ бы снова уходя къ Востоку, къ степямъ, къ Азії.

Всходила большая теплая луна. Тускло золотились подъ ней дальнія чащи черныхъ камышей. Широкой золотой столбъ погружался въ зеркальную глубину между ними, и жабы, чувствуя лунный свѣтъ, начали сладострастно, инеомогая, стонать въ нихъ, похотываться. Слѣдуя изгибамъ затоновъ, «Олеги» поворачивалъ и тянуло то тепломъ, то сыростью, тильно — весной, плавнями. Только крупныя, лучистыя звѣзды остались въ небѣ, и дымъ изъ трубы поднимался прямѣе, выше...

А записывалъ я стихъ про сироту въ Никополь, въ жаркій полдень, среди многолюднаго базара, среди тельныхъ и воловьихъ, запаха ихъ помета и сына, сила вмѣстѣ съ Родіономъ прямо на землѣ. Диктовалъ Родіонъ ласково и снисходительно, повторяя одно и то же по нѣскольку разъ, и порою останавливался, сдерживая легкую досаду, когда я ошибался, порою поощрялъ меня, какъ старательнаго, но мало способнаго ученика. А чѣмъ я былъ виноватъ? Нѣкоторые стихи онъ говорилъ то такъ, то сякъ, кое-что улучшая по своему вкусу.

Когда мы кончили, онъ долго что-то додумывалъ, и солнце лекло его непокрытую голову, его незрячье, ничего не выражающее лицо. Потомъ съ тонкой улыбкой наемкнулъ на счетъ корчмы. Я положилъ въ его ладонь нѣсколько пятаконъ. Онъ быстро зажалъ ихъ своими цѣпкими пальцами, быстро приподнялся, сунувъ лиру подъ мышку, и, поймавъ мою руку, радостно и осторожно поцѣловалъ ее.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

ИВ. БУНИНЪ.

Житіе Преподобнаго Сергія

Юношъ Боговъ, не родителей, Онъ родной покинулъ Радонѣжъ, — Вышелъ въ путь, что былъ предлагать ужь, Въ боръ пришелъ, гдѣ быть обителю. И зажглись въ бору цвѣты, Слово по - саду, Зачаплись въ немъ травы Въ славу Господа...

Въ расѣ грубой и затасканной, Тонокъ, прямъ, какъ вербы прутики, Златокудрій, ровно лютки, Солнцемъ, звѣздой ли облаканный, — Лѣсъ рубилъ онъ, насажалъ Лукъ съ капустою И молился, — пѣлъ, читалъ — Въ милой пустыни.

Старець, витязь Богородицынъ, Крина ставъ бѣлый, кудрявъ, — Путь провелъ онъ православія точилъ въ бору у Троицы.

Пять вѣковъ хранилъ, какъ шитъ Русь родимую. Какъ то Богъ... А онъ проститъ. Непростимую!

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Полнь небесной небывалости, Слухъ зарьялъ о подвижникѣ, — Поплелись люди къ хижинкѣ, Утѣшались — оставались...

Въ чащѣ ставили свои Бѣлы келии, Слово по - саду, Зачаплись въ немъ травы Зачернѣли въ ней.

Онъ же въ той же расѣ латаномъ, Какъ и всѣ, пекъ хлѣбы, плотничалъ, Влѣлъ же больше всѣхъ и постичалъ — Всѣмъ свѣтилинькѣ неприпятаный.

Съ Ангеломъ у алтара Онъ бесѣдовалъ... И съ медвѣдемъ, хлѣбъ даря. Онъ обѣдывалъ...

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.

Любовь Столица.